

ЭССЕ ОБ ИНКОРПОРАЦИИ

0.1. В наших частных беседах с В. М. Павловым термин «инкорпорация» звучал неоднократно; в его публикациях этот термин также отмечается, но только применительно к языкам, которые иногда и определяются как инкорпорирующие (в частности, чукотско-корякские языки). О немецком языке не было написано, что в нем есть инкорпорация, и мне кажется, я понимаю – почему. Германисту, перед которым стоит многовековая традиция описания немецкого языка, перед которым возвышается многотысячестраничная толща разных высокоавторитетных предшественников, – сделать подобное заявление очень трудно. Тем не менее В. М. Павлов подошел к этой черте практически вплотную.

0.2. Главным предметом его научного творчества, как мне представляется, были и остаются «образования относительно регулярно воспроизводимые, но постоянно стоящие “на грани” актуального синтаксиса» (Павлов 1973 : 4–5). Ср. еще один пассаж из более ранней работы: «Для нас является несомненным, что признание синтаксической роли словосложения в немецком языке (никогда, кстати, не сопровождавшееся исключением его из области словообразования), в какой бы нерешительной форме оно ни выражалось, *глубже и вернее отражает* языковую и речевую деятельность» (Павлов 1970 : 101, выделено мной – А. В.). Цитирование можно продолжать. Не удержусь от еще одного высказывания: «На типологическое сходство инкорпорации со словосложением в индоевропейских, в частности и в особенности в германских, языках неоднократно обращалось внимание» (Павлов 1985 : 127).

0.3. Итак, проблема, занимающая В. М. Павлова – соотношение композиции (словосложения) и инкорпорации. Эта проблема занимала и других ученых; в частности, Л. В. Щерба высказывался на эту тему достаточно недвусмысленно: «Многие так называемые “сложные слова”, например, немецкого языка и санскрита, являются в этих языках словами *лишь по форме*, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам речи (“parole”), которые я называю *синтагмами*; большинство сложных слов этих языков делается

в процессе речи и не входит в репертуар языка как системы» (Щерба 1974 : 43, выделено мной – А. В.).

Живо вспоминается ЛО ИЯ АН СССР, конец 60-х годов, наш семинар о языковом знаке, организатором и руководителем которого был В. М. Павлов. На этом семинаре неоднократно выступал московский логик В. В. Щедровицкий, который выражался так: «сейчас я очень резко сформулирую тезис». Попробую и я сделать, как он.

1.1. Язык я определяю как *линейно организованную* знаковую систему. Всякий языковой знак линейен по своей структуре: морфема есть последовательность фонем (которые не линейны, ибо знаками не являются), словоформа¹ – последовательность морфем, наконец, предложение – последовательность словоформ. Позиция, которую занимает языковой знак в линейной цепочке более сложного знака, является определяющей для установления его значения, ср. (Володин 2004).

В дальнейшем нас будут интересовать знаки, состоящие из морфем, т. е. языковые единицы, которые я называю словоформами. Морфемы делятся на два класса: R или корневые (самостоятельные знаки) и m – аффиксальные (несамостоятельные знаки). С точки зрения линейной организации словоформы все языки, имеющие морфологию, делятся на две группы:

модель 1: $R + (m)$,

модель 2: $(m) + R + (m)^2$.

Знак (m) взят в скобки – это означает, что в каждом конкретном случае он может быть представлен более чем одним знаком, как левее R (префиксы), так и правее (суффиксы). Вариантами этих моделей являются:

1a $(r) + R + (m)$,

2a $(m) + (r) + R + (m)$.

Эти формулы означают, что в данном языке *разрешена композиция*. Знак (r) в каждом конкретном случае может быть развернут в цепочку, число членов которой теоретически неограниченно: $r + r + \dots + r + R$. Отсюда следует: *если в языке разрешена композиция, то в нем возможна и инкорпорация*.

1.2. С точки зрения грамматического (морфологического) механизма композиция и инкорпорация – один и тот же процесс. Поэтому

¹ Я предпочитаю термин «словоформа» терминам «лексема» и «слово» (последнее, как известно, вряд ли вообще может претендовать на статус лингвистического термина).

² Логично представить себе и модель 3: $(m) + R$, но она, по-видимому, никогда не реализуется. Все конкретные реализации такого типа в том или ином языке показывают, что в *системе* данного языка существует все же модель 2. Корень – слишком важный элемент словоформы, чтобы *регулярно* замыкать ее.

му выделение инкорпорирующих языков как отдельного грамматического типа (наряду с изолирующими, агглютинирующими и фузирующими (флексивными)) представляется мне некорректным. Подобное утверждение сделано, например, в (*ЛЭС* 1990 : 511). Три вышеперечисленных грамматических типа представляют три способа построения сложных языковых знаков из единиц низших уровней. Инкорпорация в этом смысле не предлагает никакого нового, четвертого способа. Характерно в этом смысле то, что В. Г. Богораз, например, определял чукотский язык как «инкорпорирующий», но П. Я. Скорик воздерживался от этого и квалифицировал его как «агглютинирующий». При этом он уделял инкорпорации в чукотском большое внимание; у него есть отдельная монография, посвященная этой проблеме (*Скорик* 1948).

1.3. Должен подчеркнуть, что есть немало языков, где композиция запрещена. К их числу относятся, например, эскалеутские языки (словоформа строится по модели 1) и некоторые тунгусо-маньчжурские; из палеоазиатских языков таковым является ительменский (модель 2). Почему в этих языках композиция запрещена – я, разумеется, не знаю; но могу с достаточной уверенностью заявить, что если ее нет – она не может быть «заимствована», если же композиция есть – она не может быть «утрачена», тем более без всякого следа (подобные утверждения делались, в частности, при обсуждении «ительменской проблемы», ср.: *Georg, Volodin* 1999).

1.4. Большинство палеоазиатских языков – чукотско-корякские, енисейские (кетский), нивхский, айнский – имеют композитивный механизм (модель 2а), так же, как и индоевропейские языки³. Композиция разрешена и в уральских языках (модель словоформы 1а, ср. ниже, 5.1 сл.). Композитивные механизмы характерны также для многих американо-индейских, африканских языков и т. д.; но так далеко мы ходить не будем.

2.1. Итак, инкорпорация = композиция, но это утверждение можно сделать в ответ на вопрос: «каково твоё устройство?» При ответе на вопрос: «кем ты работаешь?» – знака равенства между инкорпорацией и композицией поставить уже нельзя. Недаром же и В. М. Павлов неоднократно говорит о «синтаксической роли словосложения» (ср. выше, 0.2). Следовательно, мы должны различать композиты (лексические единицы) и инкорпораты (аналоги слово-

³ Конечно, модель словоформы индоевропейских языков несколько иная, она имеет вид (m) + (r) + R + (m) + F + (m) – здесь учтена флексия F (по степени обязательности в словоформе равная R) и постфлексивные элементы, которые Р. О. Якобсон предлагал называть аннексами, но в современной морфемике за ними закрепилось наименование «постфиксы».

сочетаний или предложений). В своей академической грамматике чукотского языка П. Я. Скорик характеризует «слово» (в том числе сложное, т. е. композит) как «цельнооформленную и цельнозначимую единицу», а «инкорпоративный комплекс» (инкорпорат) – как «цельнооформленную, но раздельнозначимую единицу» (Скорик 1961: 121). Отсюда следует вывод: значение композита не равно сумме составляющих его корней – в итоге мы получаем некое новое значение. В том же случае, если значение композита прочитывается как сумма составляющих его корней – перед нами несомненный инкорпорат.

2.2. Данные чукотского языка с несомненностью подтверждают этот тезис. Рассмотрим несколько чукотских композитов:

- (1) а. $\eta\dot{\text{in}}$ + $\text{qe}\dot{\text{j}}$ ‘мальчик’ (молодой + маленький, живой),
 б. ηe + $\text{ek}\dot{\text{a}}\text{k}$ ‘дочь’ (женщина + сын), букв. ‘женский сын’,
 с. $\text{tan}\eta\text{ə}$ + $\eta\text{e}\dot{\text{l}}\text{y}\dot{\text{ə}}=\text{n}$ ‘веревка’ (иноплеменник, русский + ремень из моржовой шкуры), букв. ‘русский ремень’,
 д. $\text{m}\dot{\text{a}}\dot{\text{l}}$ + $\text{'}\dot{\text{a}}\text{tt'}\dot{\text{ə}}=\text{n}$ ‘кошка’ (ловкий + собака), букв. ‘ловкая собака’.

В (1с, 1д) дефисом выделен показатель ед. числа. Эти примеры представляют собой наименования не знакомых ранее чукчам реалий; оба композита – живые слова, широко употребляемые в речи. Что касается (1а, 1б), то это композиты старые, можно сказать, древние, и современными носителями чукотского языка они вряд ли воспринимаются как «сложные слова».

2.3. В других языках, где разрешена композиция (ср. выше, 1.4), фиксируемые словарями композиты также выполняют сформулированное выше семантическое требование, напр.:

- (2) а. нем. $\text{Hand} + \text{schuh}$ ‘перчатка’ (рука + обувь),
 б. франц. $\text{cache} + \text{nez}$ ‘шарф’ (прятать + нос), в орфографии – cache-nez ,
 с. фин. $\text{pöytä} + \text{kirja}$ ‘протокол’ (стол + книга).

Это требование, однако, выполняется далеко не всегда. Существует множество композитов, значения которых представляют собою именно сумму составляющих их корней, ср. хотя бы нем. $\text{Eisen}=\text{bahn}$ ‘железная дорога’ или $\text{Arbeit}=\text{s}=\text{tag}$ ‘рабочий день’. Впрочем, относительно упомянутых композитов можно начать целую дискуссию по поводу того, произошло или не произошло в них преобразование значений составляющих их корней в некое новое значение; кроме того, оба уже давно фиксируются словарями. Но когда мы видим композиты типа Kopfschmerzen , Zahnschmerzen ,

Ohrschmerzen, Halsschmerzen ‘головная/зубная/ушная/шейная=боль’, причем этот ряд может быть увеличен – в этом случае нельзя еще раз не сослаться на В. М. Павлова: «Наращение количества лексических единиц типа композитов с одинаковым первым компонентом и разными вторыми – и наоборот ... – ведет к некоторой активизации (динамизации) статического синтаксического “момента”, *свойственного конструкции композита вообще*» (Павлов 1985: 124, выделено мною – А. В.).

Подчеркнутые слова означают, в сущности, то же, что я сформулировал выше (ср. 1.1): если есть композиция, то возможна и инкорпорация. Увеличивать количество немецких примеров я не стану – они в изобилии представлены в работах В. М. Павлова. Ограничусь лишь одним, принадлежащим немецкому лингвисту первой трети XX века Г. Зюттерлину:

- (3) Dampf=schiff=fahrt=gesellschaft=s=direktor=s=stellvertreter=s=gemahlin ‘супруга заместителя директора компании пароходных сообщений’ (цит.: *Реформатский* 2001: 293).

А. А. Реформатский комментирует это следующим образом: «не все то, что считается сложным в немецком языке, действительно сложные слова; во многих случаях это примеры в той или иной степени лексикализованных словосочетаний» (там же). Совершенно согласен с этим. В (3) представлен пример полноценного инкорпоративного комплекса.

3.1. В русском языке, где композиция разрешена, конструкции инкорпоративного типа также отмечаются, хотя, по-видимому, не так широко, как в немецком. М. В. Панов уже в 1968 году ставил вопрос о выделении в русском языке класса так называемых «аналитических прилагательных» типа *проф=*, *авиа=*, *водо=*, *лесо=*, *нефте=* и т. п., которые способны сочетаться с самыми различными именами, образуя открытые списки (на эту работу неоднократно ссылается В. М. Павлов). Действительно, в данном случае мы имеем дело с инкорпоратами. Можно привести и другие примеры – скажем, композиты с корнем *=воз*. По своей семантической структуре они весьма прозрачны: *пар=о=воз*, *тепло=воз*, *электр=о=воз* – первый корень означает СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ (то, посредством чего возят). Впоследствии на базе этой модели возникла целая серия композитов, в которых первый корень означает ОБЪЕКТ ПЕРЕВОЗКИ (то, что возят): *молоко=воз*, *нефте=воз*, *цемент=воз*, *мусоро=воз*, *панеле=воз*, *бомбо=воз*, *грузо=воз*, *лесо=воз*, *тяжело=воз*, *рудо=воз*

и, наконец, незабвенный *члено=воз*⁴. Эти композиты представляют собой открытый список, который без труда может быть расширен (ср. хотя бы *дерьмовоз*, фиксируемый в одном из текстов братьев Стругацких).

Трехкорневые композиты инкорпоративного типа также способны образовывать серии, ср. *тепло=электро=станция*, *гидро=электро=станция*, *ветро=электро=станция*, *термо=электро=станция* – список, очевидно, может быть продолжен. Во всех случаях первый корень означает средство, с помощью которого получается электричество. Перед нами – типичные инкорпораты, структурно сопоставимые с немецкими.

3.2. Итак, инкорпораты – это композиты, которые (а) читаются как сумма составляющих их корней, (б) функционируют как аналоги словосочетаний. В данном случае речь идет о так называемой «инкорпорации в широком смысле» (ср. ниже, 4.1). Все вышерассмотренные инкорпораты, по оформлению главного компонента, R (ср. выше 1.1) – суть имена (осложненные атрибутами), и они функционируют в тексте как актанты (я предпочитаю терминологию Л. Теньера). В немецком они представлены существенно разнообразнее и богаче, нежели в русском. Но надо отметить, что в русском композиты инкорпоративного типа отмечаются в функции актантных атрибутов, т.е. оформляются как прилагательные.

3.3. Начну с композитов, образуемых на базе цветообозначений: *ярко= / густо= / светло= / темно=зеленый / =синий* и т. д. с любым термином цвета (исключая, пожалуй, черный и белый, но можно же сказать *непроглядно=черный*, *ослепительно=белый* и т. д.). Перед нами снова открытый список, особенно если учесть, что возможны любые сочетания самих цветообозначений: *красно=бурый*, *желто=зеленый* и т. д. Список существенно расширяется за счет диминутивных дериватов с суффиксом *=оват*: *синевато=зеленый*, *зеленовато=синий*, *серовато=розоватый* и т.д. Возможны, разумеется, и трехкорневые сочетания, ср. хотя бы устоявшееся в русском языке *серо=буро=малиновый*. Однако и вне сферы цветообозначений инкорпоративные атрибуты возможны, и эта возможность используется, ср. следующий пример:

(4) *...оригинал вышиблен под зад коленкой ... вместе со всеми своими симптоматичными умеренно=резво=либерально=патриотично=вменяемо=рассудительными идеями*
(А. Гаррос. «Новая газета» 27.07–30.07.2006. № 56 (1178): 21).

⁴ Это словечко, хотя и мелькает изредка в прессе, уже становится архаизмом (реалия все-таки ушла!): многие мои нынешние студенты и аспиранты не понимают, что оно значит.

Атрибутивный инкорпорат в (4) разделен дефисами; в газете он напечатан «в одно слово» (так же, как немецкий актантный инкорпорат в (3) (ср. выше, 2.3) – однако читается он без всякого труда. Он был порожден в процессе речи по имеющейся модели. Сейчас я поймал себя на том, что инкорпорат *многотысячестраничный* (см. выше, 0.1) я построил таким же образом, ни секунды не сомневаясь в том, что «меня поймут правильно»⁵.

4.1. Понятие «инкорпорация» связывают с именем В. фон Гумбольдта, хотя термин принадлежит не ему. Характеризуя грамматический механизм, известный сегодня под названием «инкорпорация», Гумбольдт говорит о таком способе построения предложения, когда оно принимается «не за сложное из слов целое, а как бы действительно за одно слово». Это – «*всесокупающая форма языка*» (цит. по: Скорик 1961: 93, выделено мною – А. В.). Термин «инкорпорация» закрепился в языкознании на рубеже XIX и XX веков, в связи с изучением американо-индейских и палеоазиатских языков (Ф. Боас, Э. Сепир, В. Крёбер, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг и другие).

Все вышеназванные авторы, подчеркивавшие «своеобразие» инкорпорации (как функционирует), тем не менее характеризовали ее как «особый тип сложения слов, т.е. как прием словообразования» (как устроена) (ср. выше, 2.1). При этом различались:

инкорпорация в узком смысле (включение объекта в глагольную словоформу – аналог законченного предложения),

инкорпорация в широком смысле (включение атрибута в именную словоформу – аналог члена предложения).

Тем не менее и то и другое Э. Сепир характеризовал как «композицию». Совершенно справедливо – с точки зрения грамматического устройства это одно и то же. В этой связи надо заметить, что те авторы, которые утверждают синтаксический характер инкорпорации, настаивают на том, что это – «особое языковое явление» (В. З. Панфилов, А. Н. Жукова), отдают предпочтение функциональному моменту перед формальным.

4.2.1. Рассмотрим конкретный пример «инкорпорации в узком смысле» (И. И. Мещанинов называл ее «полная инкорпорация») на материале чукотского языка.

(5) Mət=ra=ŋeran=arma=wet'at=qaa=yənretə=rkən

Мы=будем=четырех=сильных=бодливых=олений=охранять.

⁵ Пресса продолжает радовать: уже закончив эту статью, нахожу следующий пример: «...однообразно лобастые, *впередрукастые* Ильичи заполнили родные просторы» (Н. Ямской. «Совершенно секретно». 05.2007. № 5 (216). С. 25).

Этот сложный знак представляет собой одну словоформу, что я старался подчеркнуть и в переводе, соединив русские слова дефисами. Словоформа эта безусловно единая, сингармонически организованная. Ее центральный элемент, R – глагольный корень =уэпгетэ= ‘охранять, пасти кого-л.’, в нее инкорпорирован объект =qaa= ‘олени’. Если в глагольную словоформу инкорпорирован объект, это позволяет инкорпорировать и атрибуты последнего: качественные (=wet’at= ‘бодливый’, =arma= ‘сильный’) и количественные (=neran= ‘четыре’). Остальные выделенные морфологические сегменты представляют собой аффиксы: mət= – префикс 1Pl, ga= – префикс футура, суффикс =rkəp – показатель имперфективного аспекта. Глагол по семантике переходный, но оформлен как моноперсональный, потому что объект инкорпорирован в глагольную словоформу. В случае типа (5) значение композитивной структуры всегда соответствует значению законченного предложения.

4.2.2. Это значение может быть выражено и «нормальными» синтаксическими средствами. Трансформация (5) в привычное нам предложение выглядит следующим образом:

(5a) Moryə=nan ɲeran=arma=wet’at=qaa=t mət=re=ɣənretə=rkə=net
Мы четырех=сильных=бодливых=олений мы=будем=охранять=их.

В (5a) представлена эргативная конструкция: вынесенный в отдельную словоформу агенс «мы» маркирован показателем эргативного падежа =nan, глагол оформлен как биперсональный, он маркирован показателем объекта 3Pl =net, который согласуется в числе с объектом =qaa=t. Композитная структура в (5a) тем не менее сохраняется – это объект со всеми его атрибутами. Здесь мы наблюдаем так называемую «инкорпорацию в широком смысле» (или «неполную», по И. И. Мещанинову): значение комплекса соответствует всего лишь значению одного из членов предложения (актанта с его атрибутами).

4.2.3. Подобные композиты в чукотском (и в корякских языках) далее неразложимы, поскольку в этих языках нет прилагательных в индоевропейском смысле.

Корни качественной (и количественной) семантики в этих языках оформляются как предикаты. Приводимые, например, в чукотско-русских словарях вокабулы n=erme=qin ‘сильный’, nə=ktə=qin ‘крепкий’, и т. д. на самом деле означают ‘сильный=он’, ‘крепкий=он’, это парадигматические формы 3Sg (ср. n=erme=j=ɣəm ‘сильный=я’, n=erme=j=ɣət ‘сильный=ты’ и т. д., ср. также ɲega=more ‘четверо=нас’, ɲega=tore ‘четверо=вас’, ɲega=ɣare ‘четверо=их’). Синтаксическое значение атрибута актанта может быть вы-

ражено только с помощью инкорпорирования качественного (или количественного) корня в именную словоформу, что мы и наблюдаем в (5a). В данном случае инкорпоративный механизм становится для грамматической системы обязательным.

Качественные корни, как и следовало ожидать, могут инкорпорироваться и в глагольные словоформы. В этом случае они выражают атрибут предиката («обстоятельство»). В работе (Скорик 1948: 71) сопоставляются следующие пары:

(6a) majŋə=qoŋa=ŋə	(6b) majŋə=wetɣak=w'e
большой=олень	много=(громко)=говорил=он
kət=otto'ot	kət=qametwa=ɣ'e
крепкое=дерево	крепко=(плотно)=поел=он
ŋen=a'aʃek	ŋen=peŋa=ɣ'e
молодой=парень	молодо=выглядел=он

В (6a) представлены случаи «неполной инкорпорации» (аналоги атрибутивных синтагм), в (6b) – «полная инкорпорация» (аналоги законченных предложений). Инкорпорируемые корни в каждой строчке – одни и те же, но в левой колонке они являются аналогами индоевропейских прилагательных, в правой – аналогами наречий. Эти примеры еще раз подтверждают общетеоретический тезис: значение языкового знака определяется не столько его экспонентом, сколько его синтаксическим окружением, позицией, которую он занимает в составе более сложного знака.

4.2.4. Хотелось бы подтвердить этот тезис еще одним примером (словоформа nə=teŋ=qin 'хороший=он', корневая морфема təŋ / taŋ – сингармонические варианты). Сочетание с именным корнем (в составе инкорпората):

(7a) tə=taŋ=kopra=ntəwatə=rkən
я=хорошую=сеть=ставлю

Эта конструкция непосредственно сопоставима с (5): в глагольную словоформу с корневой морфемой =ntəwatə= 'ставить сеть/капкан' инкорпорирован объект =kopra= 'сеть', с его атрибутом =taŋ= 'хороший'; глагол оформлен как моноперсональный.

Сочетание с глагольным корнем всегда дает конструкцию следующего типа:

(7b) mən=taŋ=nə=qametwa=wə=rkəne=ɣət
давай=ка=мы=хорошо=кормить=будем=тебя

Здесь представлена форма императива совместного действия (префикс mən=) в имперфективном аспекте (суффикс =rkən). Гла-

гольная основа =qametwa= ‘есть’⁶ осложнена циркумфиксом каузатива: =пэ=qametwa=wэ ‘кормить кого-л.’ Инкорпорирование атрибута =таη= ‘хорошо’ не нарушает биперсональности глагольной словоформы (ср. 5, 7а): суффикс =уэт выражает значение пациенса (объекта) 2Sg, ‘тебя’.

5.1. Теперь обратимся к данным финского языка (минимальная модель 1а, ср. выше, 1.1).

В современном финском (по преимуществу письменном) языке широко представлены композиты инкорпоративного типа. Все они функционируют как актанты (инкорпорация в широком смысле или «неполная»), т. е. оформлены как имена, и как всякие имена, они способны изменяться по числам и падежам, а также принимать possessive показатели. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

5.2.1. Все эти примеры взяты мною из деловых документов по строительству; однако это вовсе не значит, что подобные композиты не могут быть обнаружены в текстах, посвященных любой другой тематике.

(8) kevyt=sora=harkko=pilari=t
колонны из керамзитовых блоков.

Здесь представлено четыре корневых морфемы (повторяю, что дефисами разделил их я; в текстах эти композиты изображаются как одно слово). Главный компонент, R, снабжен показателем мн. ч. =t. Все четыре корня могут существовать самостоятельно: kevyt ‘легкий’, sora ‘щебень’, harkko ‘глыба, блок’, pilari ‘колонна, столб’. При этом kevyt=sora ‘керамзит’ – сложное слово, фиксируется словарями по строительному делу. Таким образом, в (8) представлено сочетание трех лексических единиц; возможны композиты kevyt=sora=harkko ‘керамзитовый блок’ и harkko=pilari ‘колонна из блоков’.

(9) julki=sivu=lasi=rakenne
стеклянная конструкция фасада.

Инкорпорат, включающий четыре корня, как и (8), отчетливо делится на две части: julki=sivu ‘внешняя сторона, фасад’ и lasi=rakenne ‘стеклянная конструкция’. Но если левая половина – это давно устоявшееся сложное слово, то правая – нет, ср. рии= /metalli= /kivi=rakenne ‘деревянная= /металлическая= /каменная= конструкция’ и т.д. Вместе с тем, корень sivu ‘сторона, страница’

⁶ Об этом глаголе дополнительно см. ниже, 7.1, пример (14).

представляет собой самостоятельную лексическую единицу, и корень *julki* способен функционировать в том же качестве, ср. *sanoa juiki* ‘сказать открыто, во всеуслышание’, *lukea julki* ‘читать вслух’, и т. д.

- (10) *asema=kaavoitus=toimi=kunta*
комитет генплана, градостроительная комиссия.

Здесь представлено сочетание двух сложных слов, каждое из которых включает два корня. По своему значению каждое из этих слов отвечает семантическому требованию, предъявляемому к лексическим композитам (ср. выше, 2.1-2.3). Так, *toimi=kunta* ‘комитет, комиссия’ состоит из *toimi* ‘служба, деятельность, должность’ + *kunta* ‘община’, совр. ‘муниципальный округ’; *asema=kaavoitus* ‘планировка под застройку’ – из *asema* ‘станция, вокзал, позиция’ + *kaavoitus* ‘планировка’ (derivационная история: *kaava* ‘план (размещения некоторых объектов на местности)’ → *kaavo=ittaa* ‘планировать’ → *kaavo=itus* ‘процесс планирования’). Надо добавить, что атрибуты к слову *toimikunta* могут свободно заменяться, ср. *sosiaali=toimikunta* ‘социальная комиссия’, *lisä=sivistys=toimikunta* ‘комиссия (комитет) по дополнительному, образованию (повышению квалификации)’, и т. д.

5.2.2. Подобные показанным инкорпораты, состоящие обычно из четырех корневых морфем, фиксируются в современном финском языке достаточно часто; такого рода структуры, можно сказать, представляют собой норму. Но могут фиксироваться структуры и более сложного состава. Рассмотрим один пример.

- (11) *väli=vaihe=vastaan=otto=pöytä=kirja=ssa=mme*
в=нашем=протоколе промежуточной приемки (речь идет об оценке состояния строящегося здания на данный момент времени).

Инкорпорат включает шесть корневых морфем, попарно объединенных в три сложных слова. Главный компонент, *pöytä=kirja=assa=mme* ‘в=нашем=протоколе’, осложнен показателем местного падежа *=ssa* и посессивным суффиксом *1Pl =mme*. Состав этого слова рассмотрен выше (см.: 2.3, пример 2с).

Композит *väli=vaihe* ‘промежуточная фаза, стадия’ состоит из двух самостоятельных лексических единиц, фиксируемых словарями: *väli* ‘некоторое место, находящееся между двумя объектами’ + *vaihe* ‘стадия, ступень, фаза, этап’, т. е. некоторый отрезок времени. Ср. также *väli + mies* ‘человек’ (собст. ‘мужчина’) → *väli=mies* ‘посредник, третейский судья’ + *oikeus* ‘суд’ (собст. ‘право’) →

väli=mies=oikeus ‘третейский суд, арбитраж’. Все эти композиты фиксируются словарями современного финского языка.

То же можно сказать и о vastaan=otto ‘прием (гостей, заявок, прошений, клиентов и т.д.)’: vastaan ‘навстречу, напротив’ (пространственное наречие) + otto (← ottaa ‘брать что-л.’) ‘отбор (процесс отбора)’. Этот лексический композит может выступать в функции атрибута в сочетании с другими именами, ср. vastaan=otto=huone ‘приемная (комната)’, vastaan=otto=aika ‘приемные часы’, vastaan=otto=apulainen ‘секретарша (в приемной)’ и т. д., список практически открытый.

5.3. Как явствует из (8–11), композитивный механизм современного финского языка достаточно легко допускает переход к инкорпорации (должен повторить, что речь идет об инкорпорации «в широком смысле» или «неполной», ср. выше, 4.1). По-видимому, оправданным представляется объяснение этого феномена контактным влиянием индоевропейских языков, в частности, немецкого, где наблюдается точно такая же картина. Хочу, однако, подчеркнуть, что все это было бы совершенно невозможно, если бы грамматическая система уральских языков запрещала композицию (ср. выше 1.3). Но она разрешена – сложные слова фиксируются во всех уральских языках, до ненецкого, нганасанского и юкагирского. Другое дело – в какой степени композитивный механизм используется тем или иным языком. Например, в венгерском языке, который, как и финский, в той же полной мере и уже не первую сотню лет отвечает на информационную экспансию индоевропейских языков, композитивные структуры инкорпоративного типа практически не встречаются. Да и если брать индоевропейские языки – композиция распространена в германских языках значительно шире, чем, скажем, в романских.

6.1. Оценивая данные сопоставленных выше языков, можно констатировать, что инкорпорация безусловно наличествует в чукотском языке. Здесь никаких сомнений нет, потому что речь идет об инкорпорации «в узком смысле» или «полной» (примеры. 5, 6b, 7a, 7b) – в этих случаях значение инкорпоратов соответствует значению законченного предложения. В русском, немецком и финском языках наблюдается инкорпорация «неполная», ибо значение инкорпоратов соответствует значению одного члена предложения – актанта, осложненного атрибутами (количество которых теоретически неограниченно), ср. (3), (8–11), или, как в русском, – атрибутом актанта (количество входящих в эту конструкцию корней также теоретически неограниченно), ср. (4). Рассматривая эти примеры, невольно хочется сформулировать следующую дефиницию: *инкорпорация – это композиция, вышедшая из-под контроля системы.*

Разумеется, это ни в коей мере не научная дефиниция – это эмоциональное, образное высказывание. Реализации, наблюдаемые нами в (3), (4), (8-11), как раз допустимы, *разрешены системой*, правила их построения в системе заложены, это «свойственно конструкции композита вообще» (повторяю чеканную формулировку В. М. Павлова, ср. выше, 2.3). В этой связи хочется вспомнить и цитированного выше Л. В. Щербу (0.3), который замечает, что подобные композиты «не входят в репертуар языка как системы». Конкретные реализации, конечно, не входят. В систему входит модель, по которой они строятся, и носители языка владеют этой моделью и пользуются ею.

6.2.1. Тем не менее необходимо затронуть вопрос о глагольной композиции в языках, где «полной» инкорпорации нет. В. Г. Богораз, описывая чукотские инкорпораты, говорил о них, что «они включают дополнение, определение, или обстоятельство, а также дополнение вместе с определением, внутрь дополняемой формы» (Богораз 1934: 6) и сопоставлял им русские композиты типа *руко=прикладствовать*, *молото=бойничать*. Но такого рода образования в русском языке единичны; я могу добавить разве что пушкинскую фразу, вложенную им в уста князя Потемкина: «Ну, что, Петр Иванович, каково *кнутобойничаешь*?» При некотором усилии можно расширить этот список архаизмами типа *суде=словить*, *праздно=словить*; все это – безусловные глагольные инкорпораты. Но в русском языке они обнаруживают явную тенденцию к номинализации: *руко=прикладство*, *молото=боец*, *праздно=слова*. Отсюда можно заключить, что глагольная композиция (теоретически ведущая к инкорпорации «в узком смысле» или «полной») в русском языке распространения не получила.

6.2.2. В немецком языке проблема «глагольного словосложения» рассматривается в книге (Павлов 1985). Подробно анализируются, в частности, композиты, включающие локальные наречия с подчиняющим их себе глаголом (там же: 242 сл.). Это, несомненно, композиты атрибутивного типа (как и композиты с именем в функции главного («опорного») члена), и они могут быть охарактеризованы как инкорпораты. Но на выражение инкорпорации «в узком смысле» они претендовать не могут: значение их соответствует не целому предложению, а только одному из его членов. То же, собственно, справедливо и для русского языка. Индоевропейская грамматическая система допускает инкорпорацию только в «широком смысле».

6.2.3. Уральские языки демонстрируют то же самое. «Сложные глаголы» (содержащие более одного корня), например, в финском чрезвычайно редки. Укажу два наиболее употребительных.

(12) *al=le* ‘под’ (куда – наречие оформлено показателем динамиче-

ского локатива) + kirjoittaa ‘писать’ → allekirjoittaa ‘подписывать’.

Уже из русского соответствия видно, что это явная калька, ср. нем. unter=schreiben.

- (13) yl=lä ‘над’ (где – наречие оформлено показателем статического локатива) + pitää ‘делать’ → ylläpitää ‘содержать, финансировать кого-л.’, ср. нем. unter=halten.

В венгерском подобные композитные глаголы распространены более широко; при этом надо подчеркнуть, что они, точно так же, как в немецком, функционируют как глаголы с «отделяемыми приставками» (безусловно контактное явление). Употребление термина «приставки» (= префиксы) применительно к уральским языкам некорректно. Линейная модель словоформы уральских языков – это модель 1а (ср. выше, 1.1), которая означает, что композиция разрешена, но слово в любом случае будет начинаться с корня. К. Е. Майтинская специально оговаривает это: «глагольные префиксы (превербы) ведут себя как *компоненты сложных слов* (они *не влияют на вокализм* последующего основного компонента)» (Майтинская 1993: 273, выделено мною – А. В.). Речь идет о сингармонизме. В беспрефиксальных языках, к числу которых относятся уральские, сингармоническое выравнивание начинается с R в модели (r) + R + (m) – иными словами, зависимый вокализм имеют только аффиксальные морфемы (правее R), а корни (левее R) характеризуются независимым вокализмом. В чукотско-корякских языках сингармонизм тоже есть (ср. выше, 4.2.4), но он организован принципиально иначе, см. специально (Володин 2000).

7.1. Композиция (а тем самым и инкорпорация), как явствует из всего вышеизложенного, – механизм «препозитивный», его действие направлено справа налево в линейной цепочке словоформы: r + r + ... + R. В том случае, если в этой цепочке элемент типа r попадает правее R, он превращается в морфему типа m, в словообразовательный аффикс. Это можно подтвердить примерами из чукотского языка.

- (14) qame=twak ‘есть, питаться’. Состав: qeme=ηə ‘миска, традиционная деревянная посуда’ + =twak букв. ‘около миски быть’,
(15) пэмэ=twak ‘жить’. Состав: пэм=пэм ‘поселок, место, где живут’ + =twak букв. ‘в поселке быть’.

В чукотском языке самостоятельно существует и глагол *wa=k* ‘быть, жить’⁷, но в (14, 15) – это уже транспонирующий суффикс, вербализатор, именно потому, что он занимает позицию *правееR*.

Итак, препозитивный характер механизма композиции представляется настолько самоочевидным, что синтагма «постпозитивная композиция» должна вызывать изумление и внутренний протест. Однако именно так сказано на первых страницах работы И. А. Муравьевой «Типология инкорпорации» (Муравьева 2004: 18). Автор приводит здесь же русские примеры *царь=рыба* и *рыба=меч* – во втором случае композиция безусловно постпозитивная. От себя могу добавить еще *меч=кладенец* – и это, пожалуй, всё⁸. Тем не менее вопрос о постпозитивной композиции поставлен И. А. Муравьевой совершенно правомерно.

7.2. Препозитивная композиция характерна для языков с базовым порядком элементов SVO (индоевропейские языки) или SOV (чукотский язык в нашем материале; что касается финского, то он имел структуру SOV, но в настоящее время, под контактным влиянием индоевропейского поверхностного синтаксиса, все заметнее переходит на структуру SVO). Но на этих моделях, как говорится, свет клином не сошелся. Известны языки со структурой VOS – и для них постпозитивная (правосторонняя) композиция является вещью *системной*. Иначе говоря, она будет изображаться формулой *R + r + ... + r*. Среди таких языков в работе (Муравьева 2004) упоминаются, в частности, алгонкинские (Северная Америка), но конкретных примеров, к сожалению нет, а я в данный момент не могу их предоставить.

7.3. Все же один пример показать можно, и я это сделаю. Речь идет об инкорпорации «в узком смысле» в гавайском языке тонга (цит.: Муравьева 2004 : 37). Надо еще подчеркнуть, что язык тонга – изолирующий. В таком языке единственным способом организации сложного знака (предложения) является линейный синтаксис составляющих его минимальных (далее неделимых) знаков. При этом базовая структурная модель языка тонга – VOS:

⁷ Варианты *wa/twa* связаны с чукотской фонотактической моделью CVCCVC: стечение согласных в анлауте и ауслауте запрещено, в медиальной позиции оно восстанавливается.

⁸ Нет, не всё. Ср. хотя бы серию с «аналитическим прилагательным» *авто=*: *авто=пробег*, *авто=стоп*, *авто=запчасти*, *авто=ремонт* и т. д. – препозитивная композиция; но в печально известном со сталинских времен композите *авто=зак* – постпозитивная. Впрочем, для русского языка постпозитивная композиция – исключение (которое, как известно, подтверждает правило)

(16) na'e inu 'a e kava 'e sione
 в=прошлом пить | | кава | Джон
 «абсолютив» «артикль» «эргатив»
 выпил каву Джон.

Таков нормативный «порядок слов» для этого языка: когда (аналог показателя времени) + что (делает) + на кого/что воздействует (пациенс) + кто (агенс). Специальные знаки (в препозиции) маркируют пациенс и агенс; перед нами эргативная конструкция, сопоставимая с чукотск. (5а, 7а), ср. выше, 4.2.1 сл.

«Инкорпоративное» преобразование превращает эргативную конструкцию в абсолютивную, ср. чукотск. (5):

(16а) (na'e inu kava) 'a sione
 выпил=каву Джон.

Часть сложного знака, взятого мною в скобки – безусловный «инкорпоративный комплекс»: знак kava лишается всех своих маркеров, знак sione понижается в ранге, маркируется как «фактитив», единственный актанта, ср. (16).

Для сравнения приведем абсолютивную конструкцию с моноперсональным («непереходным») глаголом:

(17) na'e ha'u 'a sione
 пришел Джон.

Таким образом, при полном отсутствии какой бы то ни было морфологии, синтаксический принцип инкорпорации сохраняется. В (16а), в отличие от (16), «в целом инкорпорированный элемент *не обладает темо-рематической выделенностью*, не имеет на себе фокуса, а также относится к фоновой информации» (Муравьева 2004: 40, выделено мною – А. В.). Но то же, по-видимому, можно сказать и о рассмотренных выше композитах из немецкого, русского и финского языков, которые представляют «инкорпорацию в широком смысле».

Литература

Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934. Ч. 3. С. 5–46.

Володин А. П. Общие принципы развития грамматической системы чукотско-корякских языков // Язык и речевая деятельность. 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 24–44.

Володин А. П. О примате позиции языкового знака перед его экспонентом // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М., 2004. С. 131–144.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Главн. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Майтинская К. Е. Венгерский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 256–279.

Муравьева И. А. Типология инкорпорации. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004.

Павлов В. М. О противоречиях в языке (составная лексическая единица и ее отношение к синтаксической конструкции) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 88–109.

Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л. 1973.

Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 2001.

Скорик П. Я. Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация. Л., 1948.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка, ч.1 Фонетика и морфология именных частей речи. М.-Л., 1961.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Georg S., Volodin A. P. Die itelmenische Sprache. Grammatik und Texte. Wiesbaden, 1999.